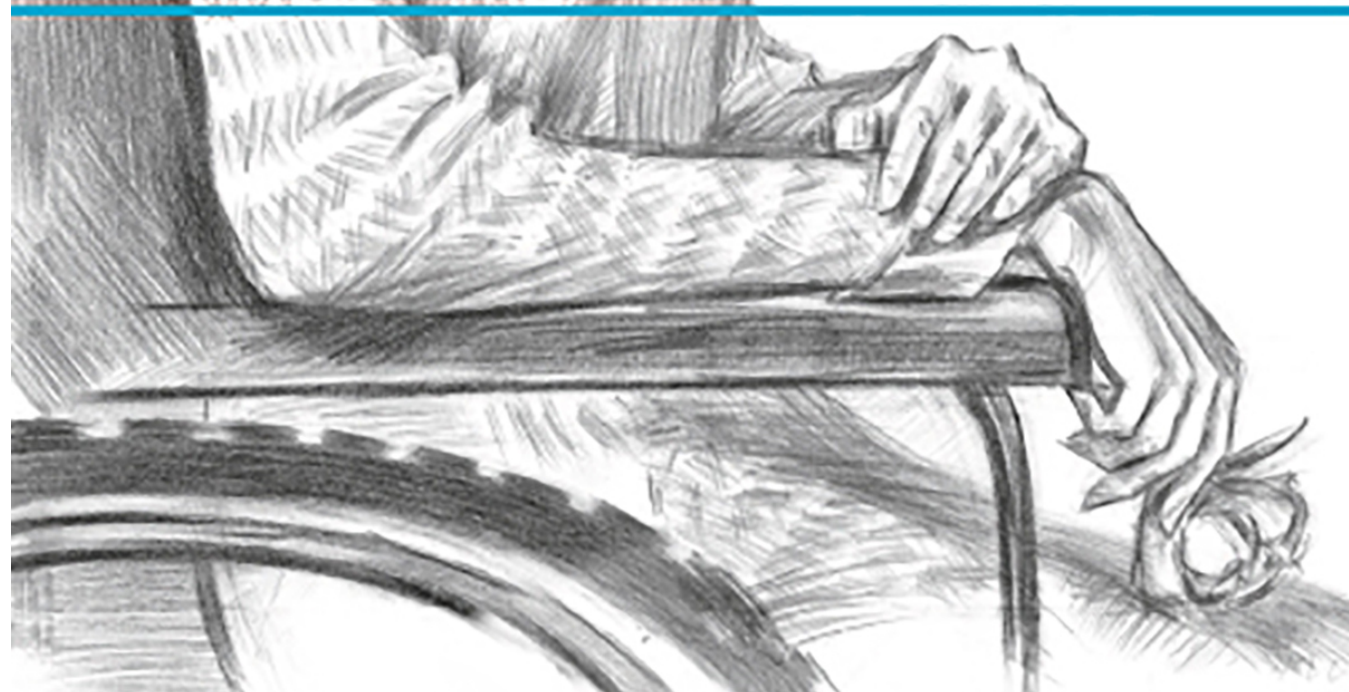

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Инна Манахова

Монолог

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Инна Манахова

Монолог

Издательство «Детская литература»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Манахова И. В.

Монолог / И. В. Манахова — Издательство «Детская литература»,
2019 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея
Михалкова)

ISBN 978-5-08-006166-0

Что определяет жизнь человека? Только обстоятельства? Или его стремление к счастью и желание жить полной жизнью может одержать верх над ними? Об этом думаешь, читая историю 16-летней Тани. Черный «ауди» лишил ее возможности ходить. Мечта стать фотомodelью остается в прошлом, надо учиться жить по-новому... По-новому строить свои отношения с девочкой надо и людям, ее окружающим, – маме, папе, подруге, молодому человеку. Кто поддержит ее на этом пути, кто не испугается трудностей? Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006166-0

© Манахова И. В., 2019
© Издательство «Детская
литература», 2019

Содержание

О конкурсе	8
День 1	9
День 2	11
День 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Инна Манахова

Монолог

Посвящается моей маме

© Манахова И. В., 2019

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Садердинова М. Х., иллюстрации, 2019

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2019

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почётным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушёл из жизни. В память о нём было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2018 году подведены итоги уже шестого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. В серии уже издано около 45 книг. Выходят в свет повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

День 1

Кажется, я умираю. Мне очень больно. Где-то вверху горят желтые лампы, ослепляя меня и мучая своей невыносимой яркостью. Люди в белом и зеленом с размытыми лицами задают мне вопрос: «Как тебя зовут?» Я шевелю губами, чтобы произнести короткое слово «Таня». Они продолжают пытаться: «Сколько тебе лет?» Но слово «шестнадцать» слишком длинное, я не могу его выговорить, беззвучно плачу и на все последующие вопросы отвечаю одинаково коротко: «Больно... Больно! Больно!!!» Их голоса переходят в неразборчивый гул и уносятся куда-то вдаль, оставляя лишь неразличимое эхо, которое пропадает в нарастающем шуме. И этот шум давит меня еще сильнее яркого света и незнакомых голосов.

Сколько времени прошло с того момента, когда я упала на капот сбившего меня черного «ауди»? Минута? Час? Сутки? Не знаю. Я помню только лицо девушки, сидевшей за рулем. Ее полные ужаса глаза и напояженный рот, перекошенный от крика. Это моя смерть. Она меня убила, сломала, превратила в кашу мои ноги. Там внизу – один общий сгусток острой боли, омерзительно гудящей, как целый рой пчел.

Ко мне опять подошел кто-то в зеленом и белом. «Больно... – говорю я ему. – Больно. Больно». Почему он не отвечает? Почему ничего не делает? Стоит и смотрит на меня сверху вниз с бесстрашием судьи, который уже вынес приговор: «Вечная боль. Обжалованию не подлежит».

Помню, моя бабуля, когда еще была жива, любила смотреть телепередачу «Федеральный судья». Сколько раз я ей говорила: «Не смотри. Это же спектакль. Они тебя обманывают». А она всё равно смотрела и верила каждому слову. Бабуля, я сейчас умру. Мы ведь увидимся с тобой после смерти? Ты мне говорила, что обязательно увидимся. Ты мне обещала эту встречу, а я всегда сомневалась. Как я хочу, чтобы ты сейчас пришла! Ты бы пошептала надо мною молитвы и положила бы руку мне на лоб. У тебя были такие мягкие и легкие руки! Я так по тебе тоскую! Но я не хочу умирать. Я хочу жить и кататься на велике по городским улицам, тонущим в летней зелени и солнечной пыли, в своем любимом синем платье с полными карманами мелочи и мятных леденцов, в белых наушниках с тонкими проводами, по которым весело бегут радиоволны, а на них, будто сёрферы, стремительно и плавно катят мои любимые группы.

Обожаю инди-рок и трип-хоп! Под эту музыку приятно мечтать и легче думать о неизбежном.

Если бы сейчас мне дали ее послушать, мне было бы не так больно и страшно.

Откуда идет этот сильный гул? Как будто на меня вот-вот приземлится вертолет и его огромные лопасти раскрошат меня в капусту. Почему вдруг ко мне набежало столько бело-зеленых безликих людей? Они везут меня куда-то, мы почти летим, и только подскоки на неровностях напоминают мне, что под нами – твердый пол, а не воздух.

Везите меня осторожнее, люди, ведь мне так больно, что я могу умереть теперь в любую минуту!

Опять эти желтые лампы над моей головой! Выключите их, прошу вас! Почему вы меня не слышите? Почему вы такие безжалостные? Не перекладывайте меня на холодный стол! Не трогайте, я хочу умереть спокойно! Перестаньте, перестаньте! Скажите им кто-нибудь, чтобы они перестали! Я не могу говорить, я только могу бесконечно шептать одно-единственное слово:

«Больно. Больно. БОЛЬНО!» Зачем эта маска мне на лицо? Всё плывет, очертания людей растворяются, желтые огни мутнеют, и жуткий гул уже затихает вдали. Я снова мчусь на велике по широкой улице, и ветер приподнимает подол моего синего платья, а вслед за мною едет Саша, такой нереально красивый и классный в своей шляпе-котелке. Он свистит мне, я оборачиваюсь.

чиваюсь и вижу его смеющиеся голубые глаза с тигриными желтыми крапинками. Саша, я не хочу умирать, потому что я хочу остаться здесь, с тобой! Я не умру, потому что я тебя люблю!

День 2

– Просыпайтесь, операция окончена.

Я открываю глаза, но не вижу ничего, кроме густого творожно-желтого тумана, сквозь который едва различимы бледные очертания предметов. Боль еще есть, но она изменилась, стала тупой и тянущей. А ниже пояса – пустота. Ни боли, ни дрожи. Я пытаюсь двинуться, но сил нет, тело превратилось в груды камней и отказывается мне подчиняться, руки лежат как мертвые, ног как будто бы нет вообще. Горло сухое и саднит. У меня осталось только сердце, и оно сжимается от тоски, а из невидящих глаз катятся жгучие слезы.

– Не плачь, все наладится, – говорит мне кто-то голосом моей бабули.

А потом меня снова перевозят на каталке, которая с грохотом подсакивает на неровном полу, и моя спина отзывается ноющей болью на каждый подскок.

– Танюша, я здесь! – неожиданно доносится откуда-то сбоку беспокойный голос моей мамы.

– Мама... – Мой хриплый шепот причиняет мне новую боль, и я замолкаю.

Мама появляется из темноты и бежит рядом. Я не различаю ее лица, вижу только очертания фигуры, но совершенно точно знаю, что это она. Мама...

– Я тебе тут яблочки принесла, – пыхтя на ходу, бормочет мама и шуршит пакетом.

– Женщина, вы с ума сошли, какие яблочки! – осаживают ее строгим голосом. – Вашей дочери до вечера ничего нельзя ни есть, ни пить!

– Виноградик купила, – будто не слыша, продолжает бормотать мама. – Но он кислым оказался, пришлось самой съесть. Обплевалась, пока ела! Виноваты эти, с рынка! Я у них виноград брала, попросила самый спелый, а они мне подсунули килограмм дерьма кислощого! Смотрят в глаза и врут! Никогда больше у них ничего не куплю!

– Мамаша, вы замолчите или нет? – прервал ее чей-то раздраженный голос. – Ей нужен покой, оставьте вы ее со своим виноградиком!

– Что значит – оставьте? – возмутилась мама. – Вы же сами меня сюда вызвали! И пропуск мне выписали аж на десять дней! Я вам собачка, что ли? Свистнули – примчалась, пнули – уходи, так, что ли? Я ей вкусенького принесла, порадовать хотела! Ну и врачи пошли! Не приходишь – плохо, прибежишь – опять не так! Вы ее, что ли, кормить тут будете? Знаю я вашу больничную пищу: похлебка да каша на воде! Моя дочь такое есть не станет! Она у меня вегетарианка, между прочим.

– Больше не будет! – усмехнулся кто-то. – Ей теперь нужна белковая пища.

– Я ей шпината наварю! – гордо заявила мама. – Орешки привезу и этот, как его... хумус!

Танюша, хочешь хумус?

– До вечера ничего не есть и не пить, – устало повторили маме, разворачивая каталку, которая сначала наткнулась на какую-то преграду, снова причинив мне боль, а затем въехала куда-то, где было очень холодно и тихо.

– Отдельную палату оплатила, – продолжала тараторить мама. – Три с половиной тыщи в сутки, представляешь? Как в санатории или в гостинице! Но там-то удобства, а в этой больнице только деньги дерут, а простыни у них рваные, одеяла вонючие, на окнах штор нет! Хорошо хоть холодильник работает, я проверяла! Завтра загрузу его по полной. И одеялко тебе твое привезу, синенькое с рыбками. И шторы наши в клеточку повешу! Чтоб как дома!

– Кнопка вызова сиделки – в изголовье кровати. Как только понадобится помощь, вызывайте, – сухо и бесстрастно сообщили маме и ушли, негромко хлопнув дверью.

– Хамы! – возмущенно выдохнула мама. – Еще и дверью хлопают!

Я закрыла глаза и отвернулась.

– А услуги сиделки здесь вообще стоят целое состояние! – продолжала мама. – Но я всё равно оплатила. Врач говорит, тебе позвоночник по кусочкам собирали, поэтому я к тебе и пальцем не притронусь, а то вдруг хуже сделаю! Сместится там что-нибудь или оторвется, я же себе потом не прошу! Пусть медики тебя пока переключивают. А я буду следить, чтобы всё делалось как полагается! Не переживай, Танюша, мама тебя в обиду не даст!

Я по-прежнему лежала молча, не поворачивая головы. Хотелось скорее уснуть, но, пока мама тут, о сне и покое нечего и мечтать. Ноющая боль в спине начинала потихоньку усиливаться.

– Кстати, эту дрянь, которая тебя сбила, еще не нашли! – вновь возбужденно заговорила мама, немного переведя дух. – Как ее земля носит, такую сволочь? Размазала человека по асфальту и укатила! Мне сказали, что она даже не притормозила, Танюша! Даже не притормозила!

Тут мамин голос оборвался, и она вдруг расплакалась навзрыд. Я повернула голову и с трудом открыла глаза. Мама сидела надо мною сторбившись и вся дрожала от плача. Она закрыла лицо руками, и я видела, как слезы просачиваются у нее сквозь пальцы и сбегают вниз, за края манжет. Мне очень хотелось погладить ее по голове, но сил не было даже на то, чтобы вздохнуть поглубже, и я вновь закрыла глаза. Не плачь, мамочка! Я обязательно поправлюсь! Мне плевать на эту девушку в черном «ауди», но, если хочешь, мы ее отыщем! Я хорошо запомнила ее черты. Я узнаю ее в любом виде. Я ее найду, и ты лично выпарапаешь ей глаза. Но мне бы хотелось, чтобы всё было по-другому: пусть она сама приползет к нам каяться и просить прощения, а ты посмотришь на нее сверху вниз и скажешь: «Так и быть, на этот раз мы тебя прощаем. А теперь уходи. Уходи и впредь не сбивай людей». Вот это было бы благородно и красиво, как в кино. А по-другому не надо. Пусть уж тогда ее вообще не найдут. Это меня не волнует. Меня вообще ничего не волнует теперь, кроме того, что я совсем не чувствую собственных ног. А еще Саша. Знает ли он, что случилось? Видимо, нет, а то бы давно ко мне приехал.

Помню тот душный июльский день, когда я сидела в одиночестве в нашем опустевшем на лето дворе и, запрокинув голову, смотрела в далекое, выгоревшее на солнце, бледно-голубое небо, такое светлое и сияющее на фоне сахарно-белых панельных многоэтажек, и тут у меня впервые за весь июль зазвонил телефон. Оказывается, Саша вернулся из Испании, где он всегда проводил с родителями каникулы, раньше срока, потому что соскучился по мне! Я так неудержимо обрадовалась его приезду! У меня сердце выпрыгивало из груди от ликования, пока мы общались по телефону. Но голосом я себя не выдала: отвечала ему как ни в чем не бывало. А он извиняющимся тоном объяснил мне, что не мог совсем отказаться от поездки, которую родители устраивали специально для него одного, и, робко усмехнувшись, спросил, можем ли мы встретиться прямо сейчас, потому что ему нестерпимо хочется увидеть меня уже сегодня. И тогда я впервые ощутила эту сильную внутреннюю дрожь, которую в дальнейшем постоянно ощущала в его присутствии, и поняла, что влюбилась в него без памяти...

Саша приехал ко мне через полчаса. Он выпрыгнул из троллейбуса и взглянул на меня сияющими голубыми глазами, такими яркими на загоревшем лице, а затем весело тряхнул отросшими льняными волосами, да так сильно, что его неизменная шляпа-котелок съехала на затылок. Когда он раскрыл мне объятия, я не удержалась и, подпрыгнув от радости, буквально упала ему в руки, уткнулась носом в его плечо и чуть не заплакала от переполнявшего меня счастья.

Мы поехали на троллейбусе в «ИКЕА». Я сидела у окна, прижавшись к Сашиному плечу. От его рубашки в клеточку пахло мандаринами, а от шеи и волос – молоком. Ветер, врываясь в раскрытое окно, мягко перебирал наши волосы. Саша поймал мой локон губами и потянул его, а я придерживала его шляпу, чтобы ее не сдуло сквозняком. У нас были одни наушники на двоих и одна песня в плей-листе – Greek Tragedy группы The Wombats. Я запомнила ее наизусть и каждый раз, когда напеваю ее или просто прокручиваю в голове, меня охватывает безумный восторг...

Мы слонялись по «ИКЕА» до самого вечера: валялись в обнимку на выставленных на продажу диванах и кроватях, качались в плетеных креслах, со смехом кидали друг в друга подушками и спорили до посинения над какой-то нелепой вазой. Проголодавшись, забрели в кафе и взяли фирменные шведские фрикадельки с брусничным соусом для Саши и кусок миндального торта для меня.

– Я думала, ты – веган, – удивилась я, глядя на большое круглое блюдо с горкой ароматных куриных фрикаделек.

– Иногда я позволяю себе курицу, – спокойно ответил Саша и с аппетитом принялся за еду, начисто игнорируя мой насмешливый взгляд.

Перекусив, мы направились в отдел с книгами, чтобы подурачиться и погадать на судьбу, – не глядя, хватали с полки любую книгу, раскрывали ее наугад и, ткнув пальцем в какую-нибудь строку, зачитывали себе приговор. Кажется, мне выпало что-то хорошее, и, чтобы оно сбылось, Саша купил мне эту случайную книгу, которая оказалась сборником детских сказок.

Когда мы вернулись из «ИКЕА», уже вечерело, и Саша увлек меня на крышу одной из многочисленных новостроек любоваться закатом.

– У меня для тебя есть еще один подарок, – серьезно сказал он мне там, наверху. – Закрой глаза и протяни руку.

Я подчинилась и с улыбкой ждала, что он мне преподнесет.

Саша надел мне на запястье что-то прохладное и узкое.

– Браслет! – обрадованно воскликнула я, открыв глаза.

– Я купил его в сувенирной лавке неподалеку от музея Гауди в Барселоне, – пояснил Саша. – Специально для тебя. Ты ведь любишь синий цвет?

А потом мы целовались, не дождавшись заката, и я подумала, что теперь и умереть не жалко, потому что самое большое счастье у меня уже случилось...

Саша, мне казалось, моя смерть неизбежна, но я не могу умереть, не увидев тебя еще хоть раз. Ты ведь скоро придешь ко мне, правда? Мама расскажет тебе всё, что произошло, и ты примчишься в больницу с букетом моих любимых розовых пионов. Ну и пусть на дворе ноябрь, ты найдешь эти цветы, потому что ты всегда находил всё, что мне нравится! Мне сейчас очень больно, но с тобой рядом мне станет легче, я знаю! Скорей бы только ты пришел!..

Я тяжело и хрипло вздохнула и облизала пересохшие губы. Как выдержать эту нарастающую тупую боль?

– Меня предупредили, что тебе нельзя пить, – деловито затрещала мама. Она больше не плакала и вновь превратилась в суетливую и беспокойную болтушку. – Но я сейчас плесну немножко воды на полотенце и смочу тебе лицо и губы. Потерпи, Танюш, до вечера совсем чуть-чуть осталось! А там побалуемся чайком с пирожными. Я тебе миндальное купила, как ты любишь.

Я поморщилась от боли и закрыла глаза.

– Не хочешь миндальное? – мгновенно отреагировала мама. – А какое хочешь? Ты только скажи, а я его из-под земли достану! Может, с марципанчиком, а? Могу медовик испечь! Смогаюсь домой на пару часиков и испеку! У нас, правда, с газовой плитой проблема: представляешь, поставила вчера перец запекать, так он сверху подгорает, а внизу сырой! Я как знала, что ты дома ужинать не будешь, – психанула и опрокинула весь противень в помойку! Не хватало еще, чтобы мы с тобой перцами горелыми давились! С мясом, конечно, проще. Жалко, что ты мяско совсем не ешь! А я газовиков завтра с утра буду вызывать: пусть починят мне духовку! У меня ребенок больной после операции, мне духовка нужна, чтобы пироги ребенку печь!

В своем возмущении мама совсем позабыла, что собиралась смочить мне губы. А у меня не было сил напомнить ей об этом. Я вновь отвернулась и затихла. Мама продолжала вздыхать, охать, со скрипом ерзать на стуле, шуршать пакетами и многочисленными свертками и жаловаться на всё и вся.

Боль усиливалась. Я лежала молча, закусив губу, и слушала, как где-то неподалеку монотонно капает вода. Моя боль возрастала с каждым новым ударом капли. Через некоторое время я начала еле слышно стонать. Из глаз вновь градом полились слезы. Мама заметила это и заметалась в панике по палате, будто сорвавшийся с привязи воздушный шарик, из которого стремительно выходит воздух. Пока ее носило от окна к двери и обратно, я собрала остатки воли в кулак, скрипя зубами от усилия, приподняла ослабевшую руку и нажала на кнопку вызова сиделки.

Казалось, прошла целая вечность, пока она явилась. Я не различила ее лица, но голос у нее был молодой и ровный. Она велела маме успокоиться, смочила мне губы, поправила подушку и исчезла. А через минуту явилась вновь и сделала мне укол.

– Это обезболивающее, – сказала она. – Скоро полегчает, и поспишь.

И действительно, меня вновь окутал густой творожно-желтый туман, заглушая боль и путая мысли в моей голове. Я наконец-то спала, но это был странный сон, смешанный с воспоминаниями и явью, словно я одновременно пребывала в нескольких местах.

День 3

Утро выдалось хмурым и холодным. Проснувшись, я почувствовала, что ладони превратились в ледышки. Боль тоже как будто бы замерзла и до поры утихла. Мамы рядом не было. Наверное, убежала домой чинить плиту. Я с трудом потянулась к кнопке вызова и надавила на нее изо всех своих скудных сил. Скоро в коридоре послышались уверенные легкие шаги, и в комнату вошла девушка в бледно-зеленом халате – высокая, очень красивая брюнетка с бесстрастным выражением лица.

– В туалет хочешь? – спросила она меня.

Я молча покачала головой.

– Всё равно давай наденем памперс, – настояла она, – а то мало ли.

Я вновь покачала головой.

– Не надо памперс. Я сейчас встану.

– Не встанешь.

Она произнесла это так спокойно и твердо, что я сразу же умолкла и смирилась. Пока она меня двигала и переворачивала, боли почти не было, смущения тоже. Никаких эмоций. Всё остыло и заледенело у меня внутри. И я по-прежнему не ощущала свое тело ниже пояса.

– Готово, – коротко сказала девушка, укрывая меня одеялом. – Пить хочешь?

– Как вас зовут? – вместо ответа спросила я.

– Лена. – Она постучала кончиками наманикюренных ногтей по приколотому к карману бейджи. – Пить будем или нет?

Я выпила полстакана холодной кипяченой воды из ее рук.

– Как понадобится, звони, – уходя, предупредила меня Лена. – Запиши мой номер телефона.

– У меня нет с собой мобильного, – тихо ответила я. – Мама вечером привезет.

– Хорошо, потом запишешь, – кивнула Лена и вышла.

Я некоторое время лежала, разглядывая потолок и пытаюсь собраться с мыслями, но они прыгали и разбегались, будто рассыпавшийся бисер.

Вскоре вернулась Лена и принесла мне завтрак: тарелку каши, кусочек хлеба с маслом и сладкий чай. Она быстро и ловко покормила меня с ложки, ополоснула тарелку под краном и вновь ушла. Я продолжала лежать.

Кажется, я задремала, потому что, когда я в следующий раз открыла глаза, передо мной уже стояла капельница, и лекарство по трубочке бежало в катетер на моей левой руке. За окном шумел осенний дождь, и почерневший опавший лист прилип к оконному стеклу. Я долго смотрела на него, ни о чем не думая и отдыхая от боли, а потом опять уснула.

Меня разбудила мама. Она вихрем влетела в комнату, взъерошенная, с кучей сумок, и сразу же кинулась развешивать привезенные из дома шторы. Трещала при этом не умолкая.

– Танюш, представляешь, бегу я сейчас по коридору, а навстречу мне мужик: огромный, неуклюжий, как медведь, весь в белом и с бородицей, как у старовера. Я думала, у нас на этаже кто-то умер и они попа пригласили отпевать. Говорю: «Здравствуйте, батюшка!» А это, оказывается, главврач!

Я слушала ее, почти не вникая в смысл, и молча смотрела в окно.

– Вызвала на семь тридцать газовика духовку чинить, обещала оплатить по двойному тарифу за ранний вызов, а он, сволочь, не пришел! Отзвонился, сказал: ребенка в школу отвезет и потом подъедет. А я ему говорю: «Потом – суп с котом. У меня самой ребенок, я не могу всё утро дожидаться, пока вы соизволите прийти». И еще матом его послала. Вот ты мне говоришь всё время: «Не ругайся матом», – а некоторые люди других слов не понимают! Палец о палец не ударят, пока их не пошлешь!

Я вздохнула и закрыла глаза.

– Притомилась, Танюшка? Погляди, я твое любимое одеялко привезла! И пижам-ку! Давай позовем сиделку и переоденем тебя, а?

– Не надо! – с тревогой ответила я. – Мне опять будет больно! Я пока так полежу.

– Ну смотри, – развела руками мама. – А я бы переоделась. Чего голой лежать? Еще простудишься, а тебе кашлять нельзя. Доктор говорит, позвоночник у тебя и так на честном слове держится!

– Мама, привези мне телефон, – вспомнив Лену, попросила я. – И наушники мои белые.

– Привезу, Танюшка! Сегодня же вечером привезу! Только скажи, где они у тебя лежат.

– В рюкзаке, – подумав, ответила я. – В боковом кармане.

– Покушаешь пирожные? Это не вчерашние, а свеженькие! Я сегодня с утра по холодку в булочную забежала. Смотрю, а там эти... макарены, или как их? Ну, кругленькие такие, разноцветные, мы их тебе на день рождения покупали! В общем, взяла целую пачку! Кушай, Танюшка, поправляйся!

– Спасибо, я уже позавтракала, – отказалась я.

– Ну тогда яблочко, а? Или бананчик?

– Не хочу. – Я устало покачала головой. – Сама поешь.

– Я-то голодной не останусь! – живо откликнулась мама. – Кстати, орешков тебе прикупила. Доктор говорит, нужно больше белка.

И тут дверь распахнулась, и в палату вошел доктор собственной персоной – низенький энергичный толстяк с обширной лысиной. Он не представился, но по маминым глазам я сразу поняла, что это он.

– Доброе утро! – сухо поприветствовал он нас с мамой и, взглянув мне в лицо, с нажимом спросил: – Как самочувствие?

– Плохо, – нервно сглотнув, хрипло ответила я. – Ног не чувствую вообще.

– Это не плохо, это нормально, – раздраженно ответил толстяк доктор. – Нужно много времени, чтобы восстановиться. Полежите месяца два, а там видно будет.

– Месяца два?! – ахнула мама.

– Именно, – строго ответил доктор. – А на реабилитацию уйдет полгода. Потом сделаете МРТ, и посмотрим.

– Что посмотрим? – Мой голос дрожал от напряжения.

– Посмотрим динамику, – коротко ответил доктор и повернулся к маме: – Мама, пройдемте со мной в ординаторскую.

Мама, все это время сидевшая с испуганным выражением лица и смотревшая на доктора с открытым ртом, тут же сорвалась с места и, не взглянув на меня, побежала вслед за ним к выходу. Ничего себе он ее выдрессировал за эти два дня! Я повернула голову к стене и вновь закрыла глаза.

Не знаю, сколько времени прошло до того момента, как боль проснулась и начала еле слышно гудеть и разгораться изнутри. Чувство замороженности ушло, по моим лицу и шее покатился пот, мышцы напряглись. Я закусила губу.

Мои ослабевшие пальцы беспокойно теребили и сжимали край одеяла. Хотелось заплакать, потом завывать в голос, но я не издала ни звука.

Глаза наполнились горькими слезами. Не могу больше терпеть, не могу! Рука сама потянулась к кнопке вызова сиделки.

– Что случилось? – спросила Лена, появившись на пороге так быстро, будто стояла под дверью.

– Больно! – прошептала я и расплакалась.

– Сейчас, – коротко ответила Лена и тихо вышла.

Она вернулась через минуту с маленьким подносом, на котором лежали ампулы, шприц и вата, откинула одеяло и сделала мне укол, которого я не почувствовала.

– Тебе нужно заменить памперс, – заметила она. – Через пятнадцать минут подойду, и заменим.

Оставшись в одиночестве, я вновь дала волю слезам. Ничего не чувствую, даже того, что мне нужно менять памперс! Это ужасно. Неужели я – инвалид? Неужели я никогда больше не встану на ноги, не смогу даже ходить в туалет без посторонней помощи? Как это страшно и стыдно! Испытывала ли я когда-нибудь прежде такое невыносимое чувство стыда? Никогда! А впрочем...

Это случилось в сентябре. Мы с Сашей и его друзьями поехали за город на рок-фестиваль, который проводился под открытым небом. Помню обширный пустырь, заросший сорной травой, а местами вытоптаный до жидкой хлюпающей грязи, и низкое пасмурное небо, с которого с утра накрапывал холодный дождь. Там на пустыре разбили что-то вроде палаточного лагеря, на который, будто стаи воронья, с каркающим смехом слетелись толпы одетых в черное, патлатых и горластых юношей и девушек. Почти в каждой палатке продавали алкоголь. Спонсором мероприятия выступала известная пивоваренная компания, чей логотип красовался на фанерных щитах ограждения и на флагах, развевавшихся над большинством палаток, поэтому пиво лилось рекой. И все присутствующие весело накатывали бутылку за бутылкой, не дожидаясь выступления своих кумиров.

– Почему твоя девушка ничего не пьет? – возмущенно орал какой-то настырный и бухой Сашин приятель.

– Она пьет только крафтовое, – отшучивался Саша, пряча меня в объятиях.

Я испуганно выглядывала из-за его плеча и с тревогой замечала, как много вокруг нас раскрасневшихся мутноглазых лиц с бессмысленными пьяными улыбками. Отвратительно воняло кислятиной, пережаренной картошкой, порченными сосисками и немытыми телами. Концерт еще не начался, а особо жадных до впечатлений зрителей уже рвало в ближайших кустах.

– Мне здесь не нравится, – прошептала я на ухо Саше. – Поедем домой!

Саша заглянул мне в глаза, улыбнулся и успокаивающе погладил меня по голове.

– Давайждемся Бутусова, а после него сразу свалим! – предложил он. – А пока можем прогуляться вон до той рощи! – И он указал пальцем на лесок, сжавшийся на склоне холма и выставивший колючие ветки почти облетевших деревьев, словно испуганный еж.

– Пойдем! – согласилась я, по-детски вцепившись в его спасительную руку.

И мы сбежали от его друзей и от всего света в безлюдный осенний лес.

Меня всегда волновала и глубоко трогала красота, заключенная в предсмертном осеннем увядании. Пожухлая бурая трава, пахнущая сыростью и гнилью, жесткие ржавые листья, готовые от малейшего вздоха ветра рассыпаться в прах, клочья мертвой паутины в ледяных каплях росы, редкие бледные цветы с еле ощутимым прохладным ароматом, трупики пчел и жуков с поджатыми лапками на стылой окаменевшей земле. Ускользящая прощальная красота, исполненная печали и пронизанная чувством скорой утраты. Наблюдая ее, хочется помолчать и подумать о том, что все рано или поздно заканчивается и что смерть неизбежна. Но Саша был в слишком хорошем расположении духа, чтобы заморачиваться подобными пустяками. Его громкий голос и жизнерадостный смех эхом отзывались в укромных уголках рощи. Он размахивал руками, жестикулируя, и ломал тонкие сухие прутья кустарника, шуршал, разбрасывая ногами листву, и с воодушевлением рассказывал мне о только что покинутой нами компании, которая ему, судя по его тону, все-таки очень нравилась.

– Тебе не жалко проводить так время? – удивилась я. – Seriously?

– Нет, не жалко, и что? – немного запальчиво воскликнул Саша. – Они – классные ребята, нам вместе весело тусить!

– Мне они показались туповатыми, – честно призналась я.

Саша смутился.

– Ну, не все такие умные, как ты! – обиженно бросил он.

– Не сердись, – серьезно ответила я. – Мне просто неловко, когда вокруг все пьяные и орут.

– Я тоже иногда напиваюсь и ору, – с усмешкой признался Саша. – Разве это делает меня плохим человеком?

Я остановилась, повернулась к нему и внимательно посмотрела в его безмятежные смеющиеся голубые глаза.

– Ты слишком серьезная, – примирительно добавил он. – Расслабься.

Меня рассердили Сашины слова, и я оттолкнула его руку и побежала прочь.

– Таня! – крикнул он мне вслед. – Таня, стой!

Но я только прибавила ходу, и тогда он побежал за мной. Погоня подстегнула меня бежать еще быстрее. И если поначалу мне казалось, что Саша вот-вот меня настигнет, я даже чувствовала его тяжелое дыхание за спиной, то вскоре, несмотря на все его спортивные достижения, он начал отставать. Я обернулась и, смеясь, показала ему язык, но в тот же момент оступилась и упала навзничь. Саша догнал меня, набросился сверху, крепко обхватил руками, и мы кубарем покатались вниз по склону, тяжело дыша и смеясь. В пылу борьбы с его головы слетела шляпа-

котелок, а у меня завернулось платье. Неожиданно я вскрикнула: что-то колючее поцарапало мне бедро. Мы замерли.

– Что с тобой? – тяжело дыша, спросил Саша.

Я, поморщившись, прижала ладонь к бедру, но касание только усилило боль. А когда я отняла руку и поднесла ее к лицу, то увидела, что она вся измазана кровью.

– Нужно срочно дезинфицировать рану, чтобы не было заражения! – беспокойно заговорил Саша.

– Чем дезинфицировать? – растерялась я. – Ничего ведь нет.

– Собаки зализывают раны, – заметил Саша.

– Я не собака, – возразила я. – Да мне и не дотянуться ртом до этой царапины.

– Я могу тебе помочь, – вдруг предложил он.

Мы посмотрели друг на друга и густо покраснели.

– Помочь? – севшим голосом спросил Саша.

Я молча отвернулась и закусила губу. Саша осторожно приподнял край моего платья и склонился над раной. Я зажмурилась. Через некоторое время он приподнялся и легонько потрепал меня по плечу.

– Всё в порядке?

Я кивнула, не глядя на него.

– Тебе не больно?

Я отрицательно покачала головой.

– Почему ты молчишь?

Я глубоко вздохнула, но не повернулась. И тогда он сам развернул меня к себе и заглянул в лицо с какой-то странной торжествующей улыбкой на губах, которая показалась мне глупой и неуместной.

– У тебя все губы в крови, как у вампира, – холодно промолвила я.

А Саша по-прежнему смотрел на меня в упор и по-идиотски широко улыбался.

– Что смешного? – не выдержала я.

Но Саша только покачал головой...

Не знаю почему, но каждый раз, вспоминая этот случай, я умираю от стыда, такого же болезненно острого, как сейчас, когда я лежу обездвиженная в мокром памперсе и смиренно жду посторонней помощи...

Мама вернулась в палату раньше Лены с целым ворохом новостей, которыми ей не терпелось поделиться. Она заговорила со мной уже с порога и от возбуждения тараторила быстрее обычного, задыхаясь и глотая слова.

– Танюшка, доктор сказал, нельзя тебе оставаться вегетарианкой: на такой диете ни кости, ни хрящи нормально не срастаются. У тебя еще и анемию нашли в придачу. Говорит, нужно кушать красное мясо, печенку, икру. Правда, не сказал, где твоей маме денег заработать, чтобы всё это покупать каждый день! Но ты не волнуйся! Если понадобится, я для тебя горы сверну! На вторую работу устроюсь, кредит оформлю, да мало ли! Папашу твоего безответственного за горло возьмем, пусть раскошеляется! Я ему еще не звонила и ничего про тебя не рассказывала. Всё равно от него толку как от козла молока: придет, усядется тут на кровать, поохает, повздыхает, за ручку тебя подержит – и до свидания! Помнишь, на день рождения приволокся с открыткой? Позорище! Ни цветочка не принес, ни шоколадочки! И хоть бы рубль дал на именины! «Я, – говорит, – и так алименты большие плачу, на них и покупай подарки дочери». Скотина.

Я закусила губу и промолчала. Мама быстро взглянула на меня и мгновенно свернула неприятную тему.

– В общем, с завтрашнего дня начинаем кушать мяско, хорошо? А сегодня у нас с тобой тыквенный суп! Погляди, какой яркий получился! Будто с картинки!

– Мама, а в школу ты еще не звонила? – перебила я.

– Не звонила. – Мама энергично затрясла головой. – Не до школы нам сейчас. Доктор говорит, на ближайший год о школе забудь. Лечиться будем, реабилитироваться. Но ты не волнуйся, Танюш, я им позвоню, расскажу, что случилось. Вот прямо сегодня и позвоню!

Значит, Саша еще ничего не знает. Я не появляюсь в школе уже три дня, и конечно же это не укрылось от его внимания. Он наверняка мне звонил, и не раз. Он, скорее всего, с ума сходит от беспокойства.

В палату вошла Лена, коротко поздоровалась с мамой и легким шагом приблизилась ко мне.

– Переоденем памперс? – предложила она.

Я отвела взгляд и поспешно кивнула.

Лена принялась за дело, а моя любопытная мама вскочила и, вытянув шею, с беспокойством и тревогой следила за каждым ее жестом.

– Погодите! – вдруг воскликнула она, хватая Лену за руку. – Это что еще такое?

– Что случилось? – спокойно и бесстрастно поинтересовалась Лена, глядя на маму сверху вниз.

– Татьяна, что это у тебя там, под левой рукой на ребрах?! – с нарастающим возмущением в голосе воскликнула мама. – Ответь мне сейчас же! Это что, наколка?

– Не наколка, а татуировка, – тяжело дыша от напряжения, ответила я.

– Ты сделала себе наколку?! – ахнула мама, пропустив мимо ушей мое тихое замечание. – Когда ты успела? Кто тебя надоумил?

Я зажмурилась и не отвечала. Мама начала громко причитать и жаловаться. И только Лена оставалась невозмутимой и продолжала ловко и умело переворачивать меня на постели.

...А татуировки мы сделали вместе с Сашей. Это был его подарок ко дню моего рождения. Само собой, мы договорились обо всем заранее и в назначенный день прогуляли школу и пошли в тату-салон к Шашиному знакомому мастеру.

Нас встретил молодой человек с татуировками в виде птичьих перьев на висках и с наколотыми на скулах странными словами Popol Vuh. (Я понятия не имела, что такое «Пополь-Вух», и парень объяснил мне, что, помимо татуировок, он увлекается культурой народов древней Америки, а Пополь-Вух – это мистическая книга-эпос, рассказывающая историю народа киче.) Мы сообщили ему, что хотим сделать татуировки в виде первых букв наших имен, заключенных в сердечко. Парень поморщился и предложил заменить сердечко на солнце с оригинальным геометрическим узором в стиле майя. Мы поддались на уговоры и почти сразу же согласились, отчего стоимость татуировок резко возросла. Но нас в тот миг не пугали никакие расходы. Саша попросил набить ему рисунок на запястье, а мне не хотелось выставлять символ своего чувства напоказ, и я предложила наколоть его где-нибудь поближе к сердцу, но только не прямо на груди.

Саша пошел делать татуировку первым. Он сидел перед мастером со своим обычным беззаботным выражением лица и веселой ухмылкой и не переставал дурачиться. Я всё время держала его за руку, и иногда он сжимал мои пальцы так сильно, что я поневоле бледнела.

Когда я устроилась рядом с мастером и расстегнула платье, Саша тоже хотел взять меня за руку, но я отказалась. Мне захотелось, чтобы он вышел и подождал меня на улице. Саша слегка удивился и, кажется, даже обиделся, но без лишних возражений покинул салон.

Парень набивал татуировку молча. Я изо всех сил старалась не дрожать от боли и, чтобы отвлечься, попросила его рассказать мне что-нибудь еще об индейцах. Он потихоньку пересказал мне весь «Пополь-Вух», а в конце на одном дыхании продиктовал свой номер телефона: «Звони в любое время, пообщаемся». Я сделала вид, что занесла его номер в список контактов, а на самом деле просто водила пальцами по экрану отключенного смартфона. Парень вышел и позвал Сашу.

Пока я застегивала пуговицы на платье, Саша с угрюмым видом расплатился и подошел ко мне.

– Все в порядке? – спросил он неприязненным тоном.

Я вскочила на ноги, прижалась к его груди и расплакалась навзрыд.

– Танечка, что? – испугался Саша, крепко обнимая меня и пытаясь заглянуть в лицо.

– Ничего, – вполголоса пробормотала я. – Просто я плохо переношу боль.

– А почему тогда ты просила меня уйти?

– Я боялась, что не выдержу, если ты будешь смотреть. Рядом с тобой я как-то расслабляюсь и мне постоянно хочется то смеяться, то плакать.

Сашу эти мои слова почему-то привели в дикий восторг: он, весь сияя, подхватил меня на руки и с силой закружил.

– Танюха, я тебя обожаю! – громко прошептал он, прижимаясь щекой к моей щеке.

Если задуматься, я всегда ощущала в его присутствии необыкновенную легкость и свободу. Когда я смотрела в его светлые и чистые голубые глаза, жизнь казалась мне до смеха простой, все проблемы – решаемыми, а любовь – бесконечной. Сашино вечное легкомыслие не раздражало меня, а вдохновляло на безумные поступки. Рядом с ним я глупела и, махнув рукой на затаенные страхи, с головой бросалась в любые авантюры. Возможно, в этом было что-то неправильное и даже опасное, но мне ужасно не хотелось всерьез разбираться в своих чувствах. Мне хотелось просто жить и радоваться жизни...

Мы с мамой не разговаривали до самого обеда. Она так сильно обиделась на меня за татуировку, что надолго замолчала. Но когда Лена принесла еду (жидкую похлебку из риса и горстку пшена с сосиской), мама не выдержала и воскликнула:

– Ну разве можно это есть? – и активно зашуршала пакетами, извлекая многочисленные банки, склянки и лоточки, сопровождая каждый из них комментарием: – Тыквенный суп. Свеженький! Яблочное пюре. Сама натерла. Бананчики спелые! Вишневый джем (у соседки взяла, привет тебе от нее). Макаруны, или как их там. Смотри-ка, и клубничные есть! Хлебушек. Когда брала, он еще теплый был! А завтра мясное привезу. Или икру.

– Не забудь захватить телефон и наушники, – осторожно напомнила я.

– Уж не забуду! – немного сварливо откликнулась мама, но тут же смягчилась: – Танюшка, давай я тебя покормлю!

После еды Лена сделала мне укол, и я вновь задремала.

Меня пробудила боль, которая вскоре разыгралась и заняла по всей спине, заставляя беспомощно дрожать и стискивать край привезенного мамой домашнего синенького одеяла с рыбками. Каждое малейшее движение причиняло мне невыносимые муки. И только ноги оставались неподвижными и бесчувственными, словно камни.

– Мама, ты позвонила в школу? – спросила я, едва шевеля пересохшими губами.

– Нет, Танюшка, не звонила.

– Позвони.

– Сейчас позвоню. Тебе водички дать?

– Позвони, пожалуйста.

– Хорошо, хорошо! Ты, главное, не волнуйся! Уже набираю номер твоей классной руководительницы! Слышишь? Гудки пошли!

Скорее бы Саша узнал, что со мной случилось несчастье! А то вдруг я умру от боли и не успею его увидеть!

Не могу больше это выносить, не могу! Такое чувство, будто я лежу спиной на тлеющих углях и меня со всех сторон прокалывают спицами!

И никакие уколы не помогут. Ничего не поможет, врачи и так уже сделали все, что могли, и теперь остается только терпеть и надеяться на лучшее.

Мама разговаривает с нашей классной по телефону. Она говорит так громко, что ее, наверное, слышно в коридоре. А бабуля всегда разговаривала тихо, совсем как я.

Я от многих слышала, что я – бабулина копия. А в модельном агентстве мне сказали, что у меня типаж – девочка из шестидесятых. Вечно наряжали меня в платья-рубашки и сафари с неизменным белым воротничком. Я так вжилась в образ, что сделала себе стрижку боб и начала под стать Саше носить ретро-шляпу, только у него был котелок, а у меня – с широкими полями. Саша хвастался перед друзьями, что встречается с моделью, и меня это всегда смешило. Можно подумать, я – Бар Рафаэли, а не обычная девчонка, числящаяся моделью в крошечном провинциальном агентстве. У меня даже нет полноценного портфолио! А теперь тем более очевидно, что супермоделью мне уже не стать: хороша модель с раздробленным позвоночником и переломанными ногами, которая лежит в мокром памперсе и корчится от боли!

...Саша, где же ты?!

– Танюшка, я всё рассказала твоей классной! – сообщила мама, отложив телефон. – Она, конечно, в шоке! Сказала мне, чтоб мы держались и не унывали. Если хочешь, в выходные тебя придет навестить весь твой класс!

– Не хочу. – Я в отчаянии отвернулась.

Что мне мой класс? Саша учится в другом, он на год старше меня. Скорее бы только до него дошла новость обо мне!

– Я тут подумала, – между тем продолжала мама, – и решила все-таки позвонить твоему отцу. А чего мы в одиночку бьемся? Пусть подключается и помогает! Сейчас же его наберу!

И она с энтузиазмом потянулась за телефоном.

– Мама, поговори с ним в коридоре, пожалуйста! – взмолилась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.